

Глава III. Красное и черное (первая половина 1919 г.)

1. Махно и Махновия

Махно оказался хозяином обширной территории размером с небольшое европейское государство. Но это было беспокойное хозяйство. Многочисленные батьки признавали авторитет Махно только формально, по-своему понимая анархию как право на свою диктатуру в масштабе нескольких сел. Нестор Иванович не собирался мириться с таким «феодализмом» и в январе 1919 г. предпринял шаги к превращению движения из разрушительного крестьянского восстания в организацию, осуществляющую верховную власть на контролируемой территории. Усиливались конфликты Махно с некоторыми командирами. По воспоминаниям Чубенко, после одного из налетов Щуся на хутора, Махно дал ему «хорошую нотацию» за казни зажиточных крестьян. Правда, «Щусь не обращал ни малейшего внимания и сказал, что бил буржуев и будет бить». Однако Махно продолжал настаивать на прекращении безмотивных убийств и произвольных контрибуций с немецких колоний. 1 Этот конфликт завершился в марте 1919 г., когда в ответ на очередную расправу Щуся над немецкими колонистами Махно арестовал его и обещал в следующий раз расстрелять. Щусь, который еще недавно демонстрировал свою независимость от Махно, теперь уже не мог противостоять «батьке», власть которого в районе к этому времени опиралась уже не только на военную силу: «Щусь давал слово не повторять убийств и клялся в верности Махно», — вспоминает Чубенко. 2 Впоследствии Махно удавалось поддерживать прочную дисциплину среди командного состава. Так, один из сотрудников Л. Каменева вспоминал о стиле руководства Махно совещанием комсостава во время визита председателя СТО в Гуляйполе: «При малейшем шуме производившему его угрожал: «Выведу!»» 3

События, происходившие в районе в начале 1919 г., трудно признать «стихийными действиями», как их называет А. Скирда. 4 Первой общественно-политической организацией, проводившей политику Махно и оказывавшей на него влияние, стал Союз анархистов, возникший на основе ГАК и ряда других анархистских групп. В Союз вступили многие махновские командиры и прибывшие в район анархисты. Но заняв относительно устойчивую территорию, Махно решил, что пришло время вернуться к социально-политической системе 1917 г. и заменить случайное анархистско-военное окружение устойчивым демократическим институтом — Военно-революционным советом (ВРС). 5 Для этой цели 23 января в Большой Михайловке был созван I съезд советов района (нумерация съездов 1919 г. игнорирует форумы 1917 г.).

Как и в 1917 г., Съезды считались в Махновском движении высшим авторитетом. В 1919 г. они приобрели форму съездов Советов крестьян, рабочих и фронтовиков. Их решения вступали в силу в том или ином районе после одобрения сельскими сходами. 6 В 1919 г. таких съездов было три (23 января, 8–12 февраля, 10–29 апреля). Их резолюции, принятые после жарких дискуссий, созвучны анархистским идеям. «В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд фронтовиков настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, и без бедняков» 7. Резко высказывались делегаты съезда против «дармоедов чиновников», которые являются источником «насильственных указок».

Антибюрократическая направленность движения не давала разрастись его собственной бюрократии. Наибольший аппарат имел штаб Махно, занимающийся даже культурно — просветительской работой, но вся его гражданская (формально и военная) деятельность находилась под контролем исполнительного органа съезда — Военно-революционного совета, созданного II съездом.

ВРС создавался для обеспечения как военных, так и гражданских задач. По воспоминаниям Чубенко «первым делом Реввоенсовет должен уладить вопрос относительно мобилизации, так как такие села, как Гуляйполе или Михайловка добровольно пошли на фронт, а остальные сидели дома и ждали, что им кто-нибудь сделает, то есть завоюет свобод. Реввоенсовет стали выбирать объединенно, так как он являлся необходимым и для армии, и для крестьян (ибо) всякие распоряжения Реввоенсовета должны (были) выполнять крестьяне и красноармейцы, за исключением оперативных заданий». 8

В первый состав ВРС вошли 10 представителей военных и трое крестьян. Но, учитывая тесную связь армии с крестьянством, это было не столь принципиально. Партийный состав ВРС был лево-социалистическим — 7 анархистов, 3 левых эсера и 2 большевика и один сочувствующий им. 9 Первым председателем ВРС стал учитель Черно книжный, а его заместителем (позднее — председателем ВРС) — Коган. Махно удостоился поста почетного председателя. 10

Возникшая в махновском районе социально-политическая система позволила развивать весьма значительную по тем временам социально-культурную инфраструктуру. Большевик В. Антонов — Овсеенко, посетивший район в мае 1919 г., докладывал, «налаживаются детские коммуны, школы, — Гуляйполе — один из самых культурных центров Новороссии — здесь три средних учебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто десять госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выделываются замки к орудиям». 11 Детей учили грамоте, занимались военной подготовкой, преимущественно в форме военных игр (подчас весьма жестоких). 12 Но основная просветительская работа проводилась не с детьми, а со взрослыми. Культпросвет ВРС, занимавшийся просвещением и агитацией населения, был укомплектован прибывшими в район анархистами и левыми эсерами. 13 Сохранялась свобода агитации и для других левых партий, но анархисты идеологически доминировали в районе.

Какую роль в движении играли анархисты? Реабилитационные тенденции в отношении Махно, все устойчивей проникающие из публицистики в науку, часто приводят к попыткам отделить его и само движение от анархизма. Так, в достаточно точной с военной точки зрения книге В. Верстюка «Комбриг батько Махно» автор пишет: «Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в это время Н. Махно выступал приверженцем советской власти. В брошюре, посвященной развенчанию махновщины и анархизма, бывший махновец и анархист И. Тепер (Гордеев) дал достаточно точную и объективную характеристику политических взглядов Махно в этот период: «К Гуляйпольской группе анархистов Махно относился весьма неприязненно за их заумное отношение к большевикам...Еще в феврале месяце 1919 г. во время встречи представителя секретариата Я. Алого (Суховольского) с Махно выяснялось, что последний весьма и весьма индифферентно относится к общим заданиям набатовской организации и к позиции, которую они занимали в отношении советской власти. Махно тогда говорил: «Сначала я революционер, а потом анархист», а иногда он утверждал, что совсем перестал быть анархистом и что все свои действия направляет на укрепление Советской власти и ликвидацию контрреволюции». 14 Неискушенность автора в вопросах анархистской идеологии привела здесь к некритическому восприятию сочинения Тепера, автора чрезвычайно недобросовестного и тенденциозного, выполнявшего социальный заказ своего нового руководства в 1924 г. О качестве оценок Тепера Верстюк мог бы судить по его описанию военной катастрофы июня 1919 г., которая имеет мало общего с документированными фактами. 15 Достоверны лишь личные конкретные наблюдения Тепера по поводу взаимоотношений анархистов-набатовцев и Махно. Но и здесь необходимы пояснения к двусмысленным замечаниям Тепера. Во-первых, поддержка советской власти вовсе не значит отказа от анархизма. Как мы видели выше, анархисты, в том числе Махно, считали советы формой низовой самоорганизации масс и ячейкой нового общества. Эту приверженность советам Махно пронес через всю свою жизнь и никогда от нее не отказывался. Отношение же к центральной советской власти, то есть к правительству большевиков, всегда, даже в лучшие периоды их отношений, было окрашено недоверием, о чем говорят документы махновских съездов советов.

Во-вторых, выдвижение на первый план общереволюционных задач еще не означает отказа от анархизма как социально-политической концепции. Махно считал, что пока массы не осознают необходимости борьбы со злом государственности, анархическое движение все равно обязано быть с ними: «...когда массы начинают проявлять к нему доверие, оно не должно увлекаться этим доверием и не должно отрываться от различных изгибов первоначально развивающихся событий, хотя бы и не анархических, но революционных, в которых масса развивала свой начальный порыв. Но надо и не пропустить момента, когда с этими изгибами нужно и самим разойтись, и отвести от них трудящиеся массы». 16

В-третьих, скептическое отношение Махно к анархической группе «Набат» слабо связано с его отношением к анархизму. «Набат» представлял собой лишь одну из многочисленных анархических группировок, претензии которой на руководство махновским движением были очевидно безосновательными.

Многие командиры махновской армии состояли в Союзе анархистов. Такие видные деятели движения как Василевский, Веретельников, Марченко, Гавриленко, Куриленко, Белаш,

Вдовиченко и другие были анархистами. Необходимо отличать влияние анархистов на развитие движения от роли пришедших городских анархистов, скептическое отношение к которым сформировалось у махновцев еще в 1918 г. Впрочем, и здесь встречаются немаловажные исключения. Наиболее очевидный пример — товарищ Махно по каторге П. Аршинов (Марин). По свидетельству того же Тепера, Марин вообще был единственным анархистом (имеются в виду пришедшие анархисты — А. Ш.), которого Махно искренне уважал и советы которого он беспрекословно принимал. Этому единственному человеку, как я уже выше указал, Махно вообще подчинялся в полном смысле этого слова». 17 Таким образом, даже данные, приведенные Тепером, не дают основания говорить об отходе Махно от анархизма.

По утверждению В. Белаша большое влияние на Махно имел Союз анархистов Гуляйпольского района, возникший во время партизанской войны 1918 г. из анархистов-партизан Гуляйполя (ГАК), Дибривок (видимо, отряд Щуся) и Новоспасовки. 18 По сути Союз анархистов был расширенным вариантом ГАК — организацией командиров местного происхождения, считавших себя анархистами. Большим влиянием пользовались также анархисты группы Черняка — Венгерова-Уралова, приехавшие в район движения еще в партизанский период. Венгеров мог спорить с Махно в присутствии командиров и одерживать победу по частным вопросам. 19 Нарастание конфликтов с «батькой» и последующие претензии союзников-большевиков к моральному облику этой группы анархистов, ослабили влияние группы Венгерова на Махно. 20

Аршинов так характеризует первоначальное отношение городского анархизма к Махновскому движению: «Большинство русских анархистов, прошедших теоретическую школу анархизма, пребывало в своих изолированных, никому в то время не нужных кружках, стояло в стороне, допытывалось, что это за движение, как к нему следует отнестись, и бездействовало, утешая себя той мыслью, что движение как будто нечисто анархическое». 21 Мы уже видели, что роль анархистов в 1917–1918 гг. была более существенной, чем это виделось П. Аршинову. В 1918 г. анархисты издавали 55 газет и журналов, причем некоторые — тиражами в десятки тысяч. Даже по большевистским оценкам анархистские организации существовали в 130 населенных пунктах, причем крупнейшие из них насчитывали тысячи членов. 22

В 1919 г. украинские анархисты сохраняли мессианское отношение к массовым движениям, выраженное, например, в резолюции Елисаветградского съезда «Набата» 2–7 апреля 1919 г.: «История ныне возлагает на нас великую обязанность — подсказать массам этот выход, помочь им в их исканиях, придать их творческой способности то зрение, которого им не достает». 23 Автор этой резолюции В. Волин был противником организации анархистами военных восстаний, так как «они приводят к властвованию, то есть к неанархическому финалу». 24 Однако он считал, что «когда масса приходит в движение сама, мы можем помочь найти ей верный путь». 25

Исполнительные органы украинского «Набата» до июня не могли определиться в своем отношении к Махно. В Гуляйполе был направлен один из лидеров организации Иосиф, который вынес из этой поездки скорее отрицательные впечатления. «В ответ на мои расспросы, — вспоминает Волин, — он сказал мне, что сомневаться в личной честности

Махно он, правда, не имеет оснований, но что, по его мнению, Махно — человек не сильного и не самостоятельного характера, легко поддающийся дурному влиянию, что в махновской организации и в махновском штабе есть отрицательные личности, которых Махно терпит, и что вообще очаровываться нечем, надо лишь следить за движением, которое, помимо самого Махно может дать здоровые результаты». 26 Скепсис Иосифа мог быть вызван как реальной зависимостью Махно от его военного окружения, чье представление об анархизме было весьма примитивно, так и нежеланием комбрига подчиняться влиянию городских набатовцев. Когда Волин лично попытается оказывать влияние на «слабохарактерного» Махно, он обнаружит, что тот вполне может противостоять чужим влияниям, если они противоречат его собственным представлениям.

Из беседы Махно и Иосифа выяснилось, что Махно считает необходимым прибытие в район анархистов, получивших известность в качестве сильных пропагандистов. Махно стремился к тому, чтобы противопоставить анархистскую мысль большевистской и шовинистической агитации. Когда Иосиф упрекнул Махно в том, что на контролируемой им территории сохраняются антисемитизм части населения, комбриг ответил: «А чего же ваши Волины сидят где-то там и не едут сюда работать? Я предоставляю все возможности вести пропаганду и средства — технические приспособления...Сам же я — человек боевой, и занят прежде всего фронтом. Мне некогда заниматься пропагандой». 27

Весной Махно расстрелял двух анархистов, пытавшихся украсть охраняемую ими кассу. 28 Неблагоприятное впечатление произвела на повстанцев и прибывшая в район анархистка М. Никифорова, пытавшаяся впечатлить повстанцев докладом съезду о репрессиях большевиков, выразившихся в осуждении ее на шесть месяцев условного наказания. Понятно, что эта речь вызвала у собравшихся возмущение скорее самой Никифоровой, чем большевиками. «Махно в таких случаях любил поддерживать крестьян, — вспоминал Чубенко — а потому заявил съезду, что если Никифорову судили коммунисты, то значит она заслужила этого. «Наше дело воевать и бить белых, а не разбирать, кто прав, а кто виноват». 29

В органе Гуляйпольской группы «Набат» «Гуляйпольский набат» говорилось, что повстанческое движение, «было создано под влиянием исключительно наших товарищей», и потому «анархизм» в органах движения должен действовать «под строжайшим контролем группы». 30 Но лидеры движения вовсе не собирались подчиняться пришлым анархистам. Не удивительно, что отношения с ними складывались все более напряженно. Кульминацией стал конфликт на митинге 1 мая, где Махно обрушился на них и даже стащил с трибуны М. Никифорову, обвинявшую большевиков в предательстве революции. Бескомпромиссность многих городских анархистов противоречила реалистическим взглядам лидеров движения, предпочитавших компромисс в отношениях с коммунистами. Но в мае городские анархисты наконец оставляют свои претензии и интегрируются в движение. 31 По мере нарастания конфликта с большевиками и Махно начинает спокойнее воспринимать критику центральной советской власти. Лидерство в движении определялось авторитетом среди крестьян и потому прочно оставалось в руках батьки Махно и его командиров-анархистов.

Идеологию движения определяли взгляды Махно и Аршинова. Махно называет свои взгляды анархо-коммунизмом «бакунинско-кропоткинского толка». 32 Это противоречивое

определение было связано с тем, что Махно почти не читал работ Бакунина и Кропоткина и не знал о существенных различиях между их концепциями. Он (формировал свои взгляды почти самостоятельно, принимая лишь то, что, с его точки зрения, соответствовало действительности.

Позднее Махно предлагал следующее государственно-общественное устройство: «Такой строй я мыслил только в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников». 33 В конце 1918 г. к Махно пришла делегация рабочих-железнодорожников. Рабочие, по воспоминаниям Чубенко, «стали спрашивать, как им быть в отношении организации власти. Махно ответил, что нужно организовать совет, который должен быть не зависим ни от кого, то есть свободный совет, не зависимый ни от каких партий. Тогда они обратились к нему, чтобы он дал им денег, так как у них нет совершенно денег, а деньги им нужны для выплаты рабочим, которые три недели не получают жалованья. Махно, не говоря ни слова, велел дать двадцать тысяч денег, что и было сделано». 34

Этот эпизод показывает, что Махно, выступая за переустройство общества на антиэтатистских началах, не отказывался от «социальной корректировки преобразований». Армия выполняла роль государственных органов социальной помощи. Махно понимал, что «свободные советы» не могут быть независимыми друг от друга. Позднее Махно подробно описал, каким образом должна строиться надстройка над структурами низового самоуправления (см. Часть II).

Идея «надстроечных», по существу властных органов не является результатом более поздней эволюции взглядов «батько» и его идеологического советника Аршинова. Еще 8 февраля 1919 г. в своем воззвании Махно выдвигал такую задачу. «Строительство истинного Советского строя, при котором Советы, избранные трудящимися, являлись бы слугами народа, исполнителями тех законов, тех порядков, которые напишут сами трудящиеся на всеукраинском трудовом съезде». 35 Таким образом Махно предполагал созыв своего рода учредительного собрания, а возможно и регулярно созываемого представительного органа, который даст советам аналог конституции (основных «порядков»), а возможно и будет принимать законы, в рамках которых может действовать местное самоуправление.

Но где гарантия, что новые органы координации, плановые и статистические центры не замкнутся на себе, не превратятся в новый источник угнетения? «Наша трудовая община будет иметь всю полноту власти у самой себя и свою волю, свои хозяйственные и иные планы и соображения, будет проводить через свои органы, которые она сама создает, но которые не наделяет никакой властью, а только лишь определенными поручениями» 36, — писали Махно и Аршинов в мае 1919 г. С их точки зрения власть должна быть децентрализована и в территориальном, и в отраслевом отношениях. Объединения трудящихся (и не только сельские, но и городские) могут создавать органы с четкой задачей. Эти органы не имеют права присваивать себе дополнительные полномочия и объединяться в единую систему исполнительной власти. Связь между ними осуществляется через всеильное самоуправление трудящихся — съезды советов.

В построениях Махно бросается в глаза нарочитое нежелание регламентировать черты будущего общества. Не в пример многим социальным утопиям прошлого, Махно считает, что общины-советы сами определяют конкретные формы своего существования. Но принципы им определены достаточно четко.

Многообразие социальных сил в движении порождало широкую палитру подходов к необходимым преобразованиям. Но значительный земельный фонд, конфискованный у кулаков и помещиков, давал возможность относительно безболезненно согласовывать различные интересы, желающие могли организовывать из своих участков сельскохозяйственные коммуны (крупнейшая из них коммуна имени Розы Люксембург насчитывала 285 человек и засеяла 125 десятин земли)³⁷, другие — или укреплять общинные узы, или оставаться на отрубках. Немалое значение придавалось наделению землей малоземельных и пришлых.

Антикулацкая и антипомещичья направленность махновщины привлекли к ней и середняцкие, и бедняцкие слои. Голос бедняков звучит в резолюциях Второго съезда Советов Гуляйпольского района (февраль 1919 г.): «Впредь же до разрешения земельного вопроса окончательным образом съезд выносит свое пожелание, чтобы земельные комитеты на местах немедленно взяли на учет все помещичьи, удельные и другие земли и распределяли бы их между безземельными и малоземельными крестьянами, обеспечив и вообще всех граждан посевными материалами». ³⁸

Важную роль в движении играли и рабочие. С началом хозяйственного кризиса они хлынули домой и приняли активное участие в событиях. Достаточно сказать, что крупнейшие лидеры движения П. Аршинов, Б. Веретельников, В. Белаш и сам Махно были в свое время рабочими. Еще 15 декабря 1918 г. общее собрание рабочих по докладу Б. Веретельникова приняло решение о формировании добровольческих отрядов рабочих и о выплате уходящим на фронт пособия в размере полуторамесячной зарплаты. ³⁹ Однако вскоре лидеры движения стали критически отзываться о рабочих. На митинге по поводу посещения района П. Дыбенко и А. Колонтай Махно «стал ругать рабочих за то, что никто из рабочих не пошел в прием желающих в армию». ⁴⁰ Еще более обострились отношения с рабочими после конфликтов на предприятиях, оборудование которых махновцы «эвакуировали» в Гуляйполе при сдаче городов белым. ⁴¹

В конкретной ситуации 1919 г. на первом плане стояли задачи военного выживания. И здесь система низового самоуправления давала впечатляющие результаты. Пополнение махновских войск, благодаря которому их численность с 400 человек в начале 1919 г. выросла до 55 тысяч в мае (32,2 тысячи не вооружены) ⁴² (для сравнения — Украинская советская республика располагала в это время 117 тысячами вооруженных и 71 тысячей невооруженных бойцов ⁴³) — осуществлялось за счет «добровольной мобилизации». В январе, когда белые перешли в наступление против района, Махно выступил за принудительную мобилизацию. Но на собрании комсостава и членов штаба анархистам Черняку, Венгерову и Уралову удалось убедить большинство в том, что принудительная мобилизация противоречит принципам революции. ⁴⁴

Вопрос о комплектовании войск стал одним из ключевых на II съезде. К этому времени под командованием Щуся был сформирован полк в Б. Михайловке. Однако Щусь, еще не подчинившийся до конца Махно, отказывался выводить его на позиции, поскольку другие села не выставляют бойцов в армию. Как уже говорилось, окончательно удалось подчинить Щуся только в марте 1919 г. Добровольная мобилизация, объявленная на II съезде, привела к замене полусамостоятельных отрядов «батек» организованным ополчением с единым командованием.

В соответствии с решениями III съезда Советов каждый населенный пункт должен был выставить полк (80–300 человек), который затем вооружается, избирает командование и выступает на фронт. Вместе сражались люди, которые давно знали друг друга и доверяли командиру. Деревня, выставившая полк, охотно снабжала его — ведь полк состоял из родственников крестьян Бойцы, в свою очередь, знали, что отступить на сотню километров — значит, поставить под удар собственные хаты.

Очевидно, что повстанческая армия была призвана ограждать население и общественные структуры от угрозы не только извне, но и изнутри района. Периодические вспышки бандитизма были вообще чрезвычайно характерны для этого периода революции: «В городе грабежи, пьянство, разгул, которые начинают захлестывать армию», — докладывал после занятия Харькова командующий группой войск РККА В. Ауссем. 45 Другой эпизод: «В конце апреля полк стоял на станции Тетерев, красноармейцы безнаказанно бесчинствовали — грабили, избивали пассажиров, убили несколько евреев," 46 — вспоминает Антонов — Овсеенко о похождениях 9-го полка РККА.

Здесь уместно привести фрагмент беседы Наркома Украины А. Затонского с красноармейцами, которых пришлось уговаривать не поворачивать на Киев, чтобы «разделаться с Чекой и Коммунией»: «Наконец один уже пожилой дядько спрашивает: «А чи правда, що Раковский жид, бо кажут, що раньше большевики були, а потім жиди комуніста Раковського посадили».

Удостоверяю, что товарищ Раковский самого православного происхождения, что коммунисты — это те же большевики». 47 Известны многочисленные еврейские погромы с участием РККА. 48

Известно, что антисемитизм был характерен и для значительной части белого движения. Если верить Чубенко, атаман Шкуро, пытаясь привлечь Махно на свою сторону, писал ему: «Ведь ты все равно бьешь комиссаров, и мы бьем комиссаров, ты бьешь жидов, и мы бьем жидов, так что нам не из-за чего воевать». 49 Впрочем, об антисемитизме и грабежах со стороны белого движения писали и его идеологи. Вспоминая об отступлении зимы 1920 г., один из идеологов белого движения В. Шульгин пишет: «Почти что святые» и начали это белое дело, но что же из него вышло? Боже мой!.. Начатое «почти святыми», оно попало в руки «почти бандитов»... Деревне за убийство было приказано доставить к одиннадцати часам утра «контрибуцию» — столько-то коров и т. д. Контрибуция не явилась, и ровно в одиннадцать открылась бомбардировка.

Мы, — как немцы, сказано, сделано... Огонь!..

Кого убило? Какую Маруську, Евдоху, Гапку, Приску, Оксану? Чьих сирот сделало навеки непримиримыми, жаждущими мщения бандитами?»

Мы также относимся к «жидам», как они к «буржуйам». Они кричат: «Смерть буржуйам», а мы отвечаем. «Бей жидов». 50 Эти заметки — приговор белому делу, но и повод заметить несомненное сходство между рождавшимися одновременно двумя формами тоталитаризма — красным, сделавшим ставку на создание своей собственной новой элиты, способной управлять перестроенной по военному образцу страной — плацдармом для интернациональной революционной войны; и белой, трехцветной, коричневой — как угодно — сделавшей ставку на диктатуру старой элиты, деградировавшей под влиянием войны, пропитавшейся расизмом, зато более терпимой к частной собственности.

Если говорить о «революционных войсках», то разгул солдатского бандитизма, принимавшего часто антисемитскую окраску, можно объяснить особой психологической ситуацией, в которой оказался солдат в 1918–1919 годах. Он был силой, на которую опиралась диктатура. Он добывал партиям власть и считал себя вправе в случае чего «навести порядок». Сила порождает ощущение вседозволенности, постоянные перебои в снабжении и выдаче жалования — ощущение «неблагодарности» со стороны властей. И здесь обстановка социальной катастрофы, маргинализации и радикализма способствовала выходу на поверхность темных антисемитских инстинктов.

На этом фоне Махновский район представлял собой относительно спокойное образование. Комплектование махновской армии из местных крестьян серьезно препятствовало бандитизму в основной зоне движения. Еще в январе 1919 г. сам Махно и его командиры участвовали в жестоких убийствах (не принявших, в отличие от территорий, контролируемых другими режимами, массового характера). 51 Но затем такая практика надолго прекращается.

Впоследствии эта сторона революции угнетала Махно, и он писал о жестокости гражданской войны: «В этой жестокой борьбе моральные стороны преследуемой нами цели будут неизбежно уродоваться и будут такими уродливыми казаться всем до тех пор, пока связанное с этой целью намечаемое нами дело борьбы не будет признано всем населением своим делом и не начнет развиваться и охраняться непосредственно им самим». 52

Пока самостоятельная активность большинства населения была делом будущего, в движении стал организовываться специальный орган для борьбы с внутренним врагом. В начале 1919 г. анархистом Черняком была организована контрразведка при штабе махновцев. В ее первый состав входили Я. Глазгон, Цинцинер, Л. Зиньковский (Задов) и Д. Зиньковский. Чубенко рассказывал о том, что в Бердянске деятельность контрразведки породила «слухи» о грабежах населения махновцами. Однако на жалобы по поводу контрразведки Махно отвечал: «это на них клеветает буржуазия, так как они с нею борются беспощадно, а потому их хотят скомпрометировать». 53 Методы, которыми шла эта «борьба», повергали жителей города в ужас.

Что касается антисемитизма, то в Приазовье он был вообще развит слабее, чем на правобережной Украине. Любые мало-мальски заметные его проявления жестоко карались

махновцами. Как уже упоминалось, в махновских войсках сражалась еврейская национальная батарея. Случай же погрома в еврейской колонии Горькой в ночь с 11 на 12 мая повлек за собой тщательное расследование и расстрел виновных. Это событие квалифицировалось докладчиком следственной комиссии Могилой как «бешеный кровавый разгул полусумасшедших людей, потерявших совесть». 54 Больше случаев погромов на территории, контролируемой махновцами, не было.

2. Батько и большевики

Взаимоотношения с центральной советской властью представляют собой наиболее драматичную сторону истории движения. Основу сотрудничества этих двух сил составляли не только сиюминутные интересы, но и общие лозунги, в которые вкладывалось разное содержание. Первоначально обе стороны надеялись на то, что союзник осознает «свои ошибки» и перейдет на платформу союзника.

Если большевистское руководство возлагало в этом надежды на комплекс «воспитательных» и репрессивных мероприятий, то Махно — скорее на логику революционного процесса, на сближение авангарда революции с позицией широких трудовых масс, в том числе и крестьянских: «... В этих зеленых, толстых и сочных стебельках растет великая, не подлежащая цифровой оценке помощь революции. Нужно только, чтобы революционные власти поумнели и отказались от многого в своих действиях; иначе ведь население пойдет против революции: иначе население, трудовое население не найдет в завоеваниях революции полного удовлетворения и одним только отказом оказать революции добровольную материальную (в смысле пищи) помощь нанесет ей удар несравненно более сильный, чем какие бы то ни было вооруженные отряды калединской, корниловской и иной контрреволюции» 55, — вспоминал Махно о своих иллюзиях в отношении большевиков.

Но ни та, ни другая сторона не собиралась «поумнеть». Все более очевидным становилось различие самих подходов к решению социально-политических проблем. В ход пошли классовые оценки. Большевики обвиняли в «мелкобуржуазности» любую оппозицию, возникающую в революционном лагере. Не составило исключения и махновское движение. Так, например, в докладе заведующего александровским агитпросветом на съезде заведующих уездных агитпросветов Екатеринославской губернии 1 апреля 1919 г. (то есть в период официально «теплых» отношений между махновцами и красными) говорилось: «Александровский уезд является прифронтовой полосой, в районе его, а именно в с. Гуляйполе, расположен штаб «батьки» Махно, тот район представляет собой особое государство в государстве. Вокруг этого знаменитого штаба сконцентрировались все силы левых эсеров, анархистов, отъявленных бандитов и преступников-рецидивистов». 56

Первые сведения о махновцах донесла до Красной Армии разведка. «Доклад сотрудника севастопольского более интересен ...По всей линии оперирует Махно со своими войсками. Войско у него организованное, командный состав подобранный, сознательный. Совсем иное войско там оперирует — добровольцы. Чувствуется страшная ненависть к петлюровцам». 57 К этому моменту махновцы контролировали район Орехово — Пологи-Воскресенска —

Лозовая. Красное командование стремилось выйти сюда и превратить действующие здесь партизанские соединения в красные полки.

Между тем махновцы, еще в начале января вобравшие в свой состав несколько тысяч полувооруженных повстанцев Приазовья, страдали от нехватки боеприпасов и винтовок. Несколько дней боев с белыми — и боезапас был израсходован, а повстанцы прижаты к Гуляйполю. Сдавать свою «столицу» они не хотели. С 24 января до 4 февраля здесь велись ожесточенные бои с переменным успехом. 58 Лишенные патронов бойцы отбивались от превосходящего их по численности неприятеля в штыковых схватках. В свою очередь и теоретики махновского движения осуждали многое в действиях большевиков. Ходя эти взгляды были окончательно сформулированы уже после революции, сами подходы наметились несомненно переломной весной 1919 г. и, как мы увидим, присутствуют во многих махновских документах. П. Аршинов отмечал нарастание командных тенденций в революции: «В ряде городов профсоюзы и фабрично-заводские комитеты приступили к перенятию предприятий и товаров в свое ведение, к удалению предпринимателей, к самостоятельному проведению тарифов и т. д. Но все эти шаги встретили противодействие со стороны ставшей уже государственной коммунистической партии». 59 Аршинов пытается проникнуть в психологию коммунистов, в логику, которая движет их действиями: «Период разрушения, преодоления сил капиталистического режима закончился, начался период коммунистического строительства, возведение пролетарского здания. Поэтому революция может идти теперь только через органы государства. Продолжение же прежнего состояния страны, когда рабочие продолжают командовать с улицы, с фабрик и заводов, а крестьяне совсем не видят новой власти, пытаюсь наладить свою жизнь независимо от нее, носит в себе опасные последствия, может дезорганизовать государственную роль партии». 60 И так, с точки зрения Аршинова, стремление коммунистов поставить революционные процессы под тотальный контроль государства вызваны их партийным эгоизмом, за которым маячит классовый эгоизм «новой буржуазии». А отсюда вывод, чтобы революция развивалась не сверху вниз, а снизу вверх, чтобы трудящиеся сами, без опеки сверху создавали новые формы жизни, чуждые эксплуатации, необходима принципиально беспартийная система. Это, конечно, не значит, что партии следует запретить (махновский район был многопартийным). «Беспартийная» система предполагает, что партии и общественные движения имеют одинаковые возможности влиять на систему власти, но ни одна организация не может захватить власть в масштабах страны.

Критика партийности звучит и в размышлениях Махно: «Революционные партии при всех своих потугах, подчас колоссальных и достойных уважения, не могут вместить в рамки своих партийных доктрин ширь и глубину жизни трудящихся». 61

Несмотря на противоречия с большевиками, махновцы в сложившихся условиях были обречены на союз с ними. Единственную возможность достать боеприпасы и оружие давала Красная Армия. Еще в начале января Махно приказывал О. Чубенко: «Может удастся соединиться с Красной армией, которая по слухам захватила Белгород и перешла в наступление по всему Украинскому фронту. Если будешь иметь с ней встречу, заключи с ней военный союз». 62 Махно не дал Чубенко полномочий на ведение каких — либо политических переговоров с красными, и эмиссар «батько» ограничился лишь заявлением о том, что «мы все идем за советскую власть». 63 После встречи Чубенко с Дыбенко 26 января

махновцам были переданы патроны, позволившие уже 4 февраля перейти в наступление. Взяв Орехов и Пологи, 17 февраля махновцы вошли в Бамут.

Военно-политический союз был скреплен передачей повстанцам нескольких тысяч итальянских винтовок, которые еще сыграют в истории движения свою роковую роль. Махно получил патроны к ним, а также 2 миллиона рублей жалованья бригаде.

Махновцы вошли в качестве 3-й бригады в состав Первой Заднепровской дивизии под командованием Дыбенко. «Дыбенко ему сказал, что он на самом лучшем счету у большевиков коммунистов», — вспоминает Чубенко о встрече комдива с Махно. Вероятно, на встрече Дыбенко пожаловался Махно на анархистов. Последний по окончании встречи назвал их «политическими шарлатанами», которые «набрали авансов у Советской власти и не отчитались», что ухудшает отношения с красными. 64 Впрочем, к этому времени у Махно накопились и свои противоречия с первой волной городских анархистов, прибывших в район, и претензии коммунистов пали на благодатную почву, став еще одним поводом к тому, чтобы «выбросить» группу Венгерова. 65 Впрочем, ослабив ее влияние, Махно сохранил за способными пришлыми анархистами «первой волны» важные посты в армии. 66

Большевистское оружие позволило вооружить ждавшее своего часа крестьянское пополнение. В результате 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии стала расти как на дрожжах, обгоняя по численности и дивизию, и 2-ю Украинскую армию, в составе которой 3-я бригада сражалась позднее. Если в январе у Махно было около 400 бойцов, то в начале марта — уже 1000, в середине марта 5000, а в апреле 15–20 тысяч. Пополнившаяся в результате «добровольной мобилизации», махновская бригада развернула наступление на юг и восток. Первоначально красные командиры относились к формированию махновцев скептически: «Под Бердянском дело — табак. Махно льет слезы и вопит о поддержке». 67 Через неделю, однако, пройдя с боями за полтора месяца свыше 100 км, махновцы ворвались в Бердянск. Западный бастион Деникина был ликвидирован.

Одновременно другие махновские части отодвинули на такое же расстояние фронт на восток, войдя в Волноваху.

Махновцы захватили у белых эшелон с 90 тысячами пудов хлеба и отправили его голодающим рабочим Москвы и Петрограда с таким сопроводительным письмом: «Гуляйпольское революционное крестьянство, а также крестьянство всех прилегающих областей, командный состав и повстанческие крестьянские отряды имени Махно, Гуляйпольский Совдеп, Революционный полевой штаб Махно постановили имеющиеся у нас девяносто вагонов муки, добытой в бою с добровольческими бандами, как военная добыча, поднести в подарок московским, петроградским революционным крестьянам и рабочим. Повстанческие крестьяне названного района и все их вожаки протягивают свою товарищескую руку и приветствуют своих революционных товарищей, Совнаркомы и Совдепы. Просим оповестить население». 68 Посылка хлеба, таким образом, рассматривалась махновцами как важная пропагандистская акция. Письмо составлялось как политическая программа, призванная кратко описать политическую систему махновцев, показать демократизм принятия решений, социальные приоритеты (даже применительно к Москве и Петрограду крестьянство ставится на первое место). Характерно и то, что

махновцы приветствуют не Совнарком, а «Совнаркомы».

Экономическое сотрудничество с пропагандистским уклоном продолжилось и позднее. Махновцы и большевистские органы начали налаживать продуктообмен с Донбассом. 69 Для Махновского движения это позволяло не только решить конкретные хозяйственные задачи, но и продолжить строительство предусмотренных программой движения горизонтальных хозяйственных связей.

Но не только эти события определяли отношения двух советских властей. Введение продовольственной разверстки, безудержный рост бюрократического аппарата, поглощавшего и разбазаривавшего значительную часть изъятого у крестьян хлеба, запрет партий и организаций, даже поддерживающих советскую власть, факты произвола со стороны ЧК — все это не встречало понимания у крестьян Приазовья. 70

Махновская армия представляла инородное тело в РККА, и не удивительно, что уже в феврале Л. Троцкий потребовал ее преобразования по образу и подобию других красных частей. Похоже, нарком еще не понимал, что имеет дело со своеобразным военно-политическим формированием, которое не подчиняется СНК и представляет собой «государство в государстве». Реакция Махно на «поползновения» Троцкого была резкой: «Самодержавец Троцкий приказал разоружить созданную самим крестьянством Повстанческую армию на Украине, ибо он хорошо понимает, что пока у крестьян есть своя армия, защищающая их интересы, ему никогда не удастся заставить плясать под свою дудку Украинский трудовой народ. Повстанческая армия, не желая проливать братской крови, избегая столкновения с красноармейцами, но подчиняясь только воле трудящихся, будет стоять на страже интересов трудящихся и сложит оружие только по приказанию свободного трудового Всеукраинского съезда, на котором сами трудящиеся выразят свою волю». 71

Таким образом, Махно изложил формулу отношений с большевизмом: критиковать, избегать столкновений с «братским» движением, служить средством защиты крестьян от союзника и добиваться созыва неподконтрольного коммунистам крестьянского съезда, который станет верховной властью на Украине (в дела России махновцы не вмешиваются). Поскольку большевики не позволят созвать крестьянский съезд, он «должен быть тайным и в тайном месте». 72

В феврале 1919 г. политика РКП (б) подверглась резкой критике на II съезде Советов Гуляйполя. Выступая с докладом на съезде 14 февраля, Махно говорил: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: «Добро пожаловать, дорогие друзья!» Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину — мы скажем им: «Руки прочь!» Мы сами умеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь — где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей». 73 Продолжая эту мысль, делегат Новопавловска и будущий председатель ВРС Чернокнижный утверждал: «Пока Временное правительство Украины сидело в Москве и Курске, трудящиеся сами освободили свою территорию от врага... Мы, беспартийные повстанцы, которые восстали против всех наших угнетателей. Мы не потерпим нового порабощения какой-либо пришлой

Резолюция съезда гласила. «Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных Советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы против представителей центральной власти. Именуящее себя рабоче-крестьянским, правительство России и Украины слепо идет на поводу у партии коммунистов большевиков, которые в узких интересах своей партии ведут гнусную непримиримую травлю других революционных организаций.

Прикрываясь лозунгом «диктатуры пролетариата», коммунисты большевики объявили монополию на революцию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами...Мы призываем товарищей рабочих и крестьян не поручать освобождение трудящихся какой бы то ни было партии, какой бы то ни было центральной власти: освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся». 75

Воззвание Махно от 8 февраля (подготовленное, видимо, культпросветом) также полно критических выпадов в адрес коммунистов и персонально Троцкого: «Комиссародержавцы хотят видеть в трудящихся только «человеческий материал», как выразился на съезде Троцкий, только пушечное мясо, которое можно бросать против кого угодно, но которому ни в коем случае нельзя дать право самим, без помощи коммунистов создать свою трудовую жизнь, свои порядки...Повстанческая армия борется за истинные советы, а не за чрезвычайки и комиссародержавие». 76

Откровенно антибольшевистский и в принципе антипартийный характер резолюций в феврале не вызвал особых «нареканий» — союз с махновцами только завязывался, и на их «демократические шалости» смотрели сквозь пальцы. Тем более что бригада стремительно наступала

Но в апреле, когда фронт стабилизировался, большевиками был взят курс на ликвидацию особого положения махновского района. Скоро стало ясно, что задача эта непростая. Махно принял комиссаров-коммунистов и присланного Дыбенко начальника штаба — левого эсера Н. Озерова, но к политической власти их не допустил.

В. Белаш вспоминал:

— Это черт знает что, — говорил Махно комиссару (большевику) Петрову, приехавшему вместе с Озеровым. — Ведь говорил, предупреждал и, кажется, договорились; вы обещали распустить свои организации: Чеку, продкомиссии, партийные комитеты, военкоматы, а теперь снова принялись! И поверь, товарищ Петров, плохое дело будет, если не прекратите. Оставьте нас, не трогайте крестьян, не опекайте рабочих — все будет хорошо. Предоставьте в этих уездах нам свободу анархо-коммунистического строительства, делайте за пределами их все эксперименты, мы не будем нападать, только оставьте нас, не мешайтесь в наши семейные дела!

— Товарищ Махно, ведь, мы договорились, загляните в договор и увидите, что мы с вами в военном союзе Занятая территория нами и вами принадлежит и вам, и нам, без нашей

помощи вы бы ее не заняли. А коль так, мы и работаем вместе. Мы не виноваты, что рабочие не хотят жить без власти и по своему почину формируют свои организации, свою Чеку от налетов ваших партизан..., — говорил Петров

— Я не так, как вы понимаю союз, — перебил Махно.

Вместе мы бьем Деникина, но цели у нас разные... Они (комиссары — А. Ш.) у нас, как бы ваши представители для координации совместных действий, но не властелинами над командирами, избранными самой массой.

Летучее собрание было солидарно с официальным заявлением Махно». 77 Конечно, махновцы не были столь наивны, чтобы считать ЧК органом рабочих масс, и агитация Петрова не имела успеха.

Последующие события не способствовали снижению напряженности между сторонами. Попытка Дыбенко распустить часть махновских формирований вызвала в Орехове вспышку волнений. Подчиненный Махно батька Правда грозил уездным властям разгромом. Власти восприняли угрозу буквально: «Существует опасение, что мятеж может охватить весь район, занятый войсками Махно, и сам Махно против своей воли может быть вовлечен в эту авантюру," 78 — телеграфировал командующий группой А. Скачко.

Вскоре, однако, стало ясно, что угрозы батьки Правды не выходили за рамки митинговой риторики, а сам инцидент был быстро исчерпан. Впоследствии Антонов — Овсенко докладывал Х. Раковскому об «ореховом бунте». История с наступлением на Александровск — как выяснилось из рассказа Дыбенко и Махно — курьезный вздор». 79

Боевые действия против белых в апреле шли с переменным успехом. В конце марта махновцы попытались перерезать дорогу Луганск — Таганрогу-Кутейникова, но контрудар деникинцев от Горбачево — Михайловки и Моспино заставил вернуться на линию Луганско — Мариупольской дороги. Перегруппировав силы, белые 13 апреля перешли в наступление на Мариуполь. Основные силы махновцев были в этот момент заняты в боях под Еленовкой, на северном участке фронта. Мощным ударом на Волноваху противник отсек основные силы махновцев от Мариуполя и 14 апреля вышел к Мангушу, в глубоком тылу Мариупольского направления. Под угрозой оказался штаб Махно. Но полностью окружить южное крыло 3-й бригады не удалось — оно потянулось за Мангуш, оставив обстреливаемый с моря Мариуполь. С помощью батальона интернационалистов удалось восстановить фронт у Волновахи.

Это, пожалуй, единственный эпизод, когда РККА всерьез выручила махновцев. Северный же сосед 3-й бригады — 9-я дивизия 13-й армии — не раз покидал позиции в решающий момент, оголяя фронт. Это вызвало у махновцев скептическое отношение ко всей централистки организованной Красной Армии. Но основной конфликт разворачивался вокруг вопроса о снабжении. Пополнять боеприпасы за счет противника, как раньше, было уже не так-то просто, а РККА, вопреки соглашению, поставляла все меньше и меньше патронов. Тяжелые бои, ничтожность подкреплений и перебои в снабжении все более выматывали бригаду. Вот что телеграфировал командующий 2-й Украинской армией Скачко: «Противопоставить

противнику нечего, ибо 3-я бригада Махно, находясь непрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей, как 9-я дивизия, совершенно истощилась, и можно считать 3-ю бригаду временно совершенно вышедшей из строя». 80 В эти апрельские дни казалось, что махновская бригада разбита. Кончались последние патроны к полученным еще в феврале итальянским винтовкам. Боеприпасы к ним можно было получить только из центра — другие не подходили.

Бойцы были измотаны, но бригада, подобно Антею, питалась от своей земли. Местные жители сменяли старых бойцов и со свежими силами бросались в бой. Наверное, в этом объяснение военного чуда, которое произошло под Мариуполем в конце апреля. Еще 19 апреля командующий 2-й армией Скачко телеграфировал. «Немедленно высылайте смену 3-й бригаде, ибо люди покинут фронт. С итальянками без патронов и без пулеметов против десятков пулеметов противника люди не в состоянии устоять». 81 Но уже 20 апреля махновцы перешли в контрнаступление и взяли Мангуш. 22 апреля белые контратаковали Мангуш, но на следующий день он снова оказался в руках махновцев. После этого белой группировке в районе Мариуполя уже не удалось удержаться. 27 апреля Мариуполь был взят махновцами, фронт стабилизировался. 82

Давая общую оценку боеспособности махновских частей, Антонов — Овсеев писал, «прежде всего факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места — района Гуляйполя, Бердянск — неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель-май). И это не потому, конечно, что здесь мы были лучше в военном отношении организованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги». 83

Но проблема боеприпасов решена не была. В середине мая штаб Махно сообщал «Отсутствие налаженной и срочной доставки патронов заставило оставить многие позиции и приостановить наступление. Кроме того, части совершенно не имеют патронов, и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем положении на случай серьезных контрнаступлений противника. Мы свой долг исполнили, но высшие органы задерживают питание армии патронами. 84 То, что махновцев оставили фактически безоружными перед лицом врага, имело под собой множество «объективных» причин.

Административно-бюрократический централизм «военно-коммунистической» системы совершенно закупоривал каналы снабжения. «В отношении продовольственного снабжения царил страшная неразбериха, ведомственная сутолока и межведомственная война 85, — вспоминал командующий Украинским фронтом. Начальник снабжения фронта докладывал: «До настоящего времени органы снабжения Украины и России войскам фронта почти ничего не давали...Так как начснабдивам приходится пойти через инстанции пока они доберутся до комиссий, и раз комиссии не подчинены начснабдивам, то и обращения их к комиссиям остаются воплем в пустыне». 86 «Несостоятельность работы Наркомпрода создала самоснабжение армии» (читай — «конфискации и грабежи»), 87-говорилось в отчете о деятельности Народного комиссариата по военным делам Украины за март-май 1919 г.

Притом, что и красноармейские части снабжались плохо, до строптивых махновцев, естественно, вообще мало что доходило. В ответ махновцы задержали несколько составов с

продовольствием, предназначенных для красных. 88

Но были и особые, военно-политические обстоятельства задержек снабжения, свет на которые проливает Реввоенсовет 2-й Украинской армии: «Еще при образовании бригады Махно командармом 2-й были даны ей итальянские винтовки с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов». 89 С апреля эта угроза становилась все более реальной.

3. Крушение союза

Большевики не были расположены к тому, чтобы мириться с самостоятельностью Махно и махновцев. 25 апреля в Харьковских «Известиях» появилась статья «Долой махновщину», в частности отмечавшая:

«Повстанческое движение крестьянства случайно попало под руководство Махно и его «Военно-революционного штаба», в котором нашли себе пристанище и бесшабашно анархистские, и бело-левоэсеровские, и другие остатки «бывших» революционных партий, которые разложились. Попав под руководство таких элементов, движение значительно утратило силу, успехи, связанные с его подъемом, не могли быть закреплены анархичностью действий...Безобразиям, которые происходят в «царстве» Махно, нужно положить конец». 90

В конце апреля махновцы собрались на свой III районный съезд в Гуляйполе. Как и следовало ожидать, «социалистический плюрализм», царивший в «Махновии», вылился в резкие формулировки, направленные против военно-коммунистической политики РКП(б):

«Съезд протестует против реакционных приемов большевистской власти, расстреливающей крестьян, рабочих и повстанцев.

Съезд требует проведения правильного свободного выборного начала ...

Съезд требует замены существующей продовольственной политики правильной системой товарообмена ...

Съезд требует полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и гражданам, и неприкосновенности личности работников партий, левых революционных организаций и вообще трудового народа». 91

Комдив Дыбенко ответил телеграммой: «Все съезды, созванные от имени распущенного согласно моему приказу военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными, и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона». 92

Съезд специально продолжил свою работу, чтобы ответить комдиву. Ответ делегатов по стилю напоминал письмо казаков турецкому султану. После насмешливых разъяснений

относительно истории движения и его съездов делегаты пишут: «Вы, «товарищ» Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине. Ну что же, познакомим вас с ним, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного». 93 Намекая на слабость позиции РКП(б) в Приазовье, махновцы продолжают: «если большевистская идея будет иметь успех, то военно-революционный совет, сточки зрения большевиков, организация явно контрреволюционная, заменится другой, «более революционной» большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилуйте нас». 94

Одновременно в район, контролировавшийся махновцами, попали процитированные выше харьковские «Известия» со статьей, которая особенно возмутила Махно. 29 апреля он приказал задержать часть комиссаров, решив, что большевики готовят нападение на махновцев: «Пусть и большевики у нас посидят, как сидят в казематах Чека наши», — говорил он Белашу, ссылаясь на решение Союза анархистов и «Набата». 95 Там, где комиссары смогли наладить нормальные отношения с комсоставом и бойцами, это указание было проигнорировано. 96 Другие комиссары побежали из района. В зоне расположения красных частей они столкнулись с командующим Украинским фронтом В. Антоновым — Овсеенко. Командующий повернул в самое «логово мятежников».

Интересно, что визит Антонова — Овсеенко в махновский штаб сопровождался попытками красных выяснить точное расположение махновских частей — вероятно, для удара по ним. Но нападение было невозможно, пока в гостях у Махно был Антонов — Овсеенко. Вот запись телефонных переговоров махновского и красного штабов:

«Бишиле: Прошу сообщить, у вас ли сейчас комфронт Антонов и не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Вы мне уже надоели (Очевидно, это далеко не первый звонок из штаба красных за время пребывания Антонова — Овсеенко в штабе Махно. — А. Ш.), против моего окна сидит, с батькой Махно беседует.

Бишиле: А не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Тогда сам сообщу».

Затем дежурный секретарь Бишиле звонит начальнику штаба 3-й бригады Веретельникову.

«Веретельников: У аппарата начштаба Веретельников, что нужно?

Бишиле: У аппарата дежурный секретарь Бишиле. Прошу дать сейчас же самые точные сведения о расположении частей вашей бригады.

Веретельников: Я не могу сказать, не нахожу возможным передать это без «маяка».

Бишиле: Мне приказано получить сведения во что бы то ни стало и уклончивые ответы в расчет не принимать. Так как в противном случае вы будете подлежать суду военного трибунала как не ...

Веретельников: Не нахожу нужным отвечать такому дураку, как вы, который требует сведений без шифра.

Бишиле: Прежде всего долг вежливости требует выслушать человека до конца, а потом уже выводить свои глубокие умозаключения. К вам уже...

Веретельников: Ваш долг вежливости не велит вам пугать меня, я уже пуган. «

Угроза трибуналом не помогла заставить анархиста нарушить порядок передачи секретной информации. Но Бишиле эта информация нужна «во что бы то ни стало» и немедленно. Поэтому он идет на откровенную ложь:

«Бишиле: К вам уже десятки раз обращались с подобными просьбами и всегда получали ответы подобно вашему: мы, мол, сейчас без шифра дать не можем, зашифруем и пришлем, но несмотря на это мы ни разу сведений не получали».

Это не соответствует действительности. С 11 по 28 апреля, в период боев за Волноваху и Мариуполь, штаб 2-й армии получил 18 сообщений о расположении 3-й бригады. На момент затишья после успешных для бригады действий согласно переданному в штаб донесению она занимала позицию Доля — Еленовка-Александровское — Ново-Николаевское — Игнатьевка-Павлополь — Мариуполь. 97 Бишиле и стоящее за ним руководство интересуют передвижения бригады за последние два дня, хотя на фронте спокойно. Впрочем, секретарь и сам уже понял все неудобство своего положения и начал говорить нечто маловразумительное.

«Желая предупредить подобный случай, я хотел поставить вас в известность о последствиях, дабы получить наконец о вас сведения, не в зашифрованном виде я от вас потребовал, так как сам отлично понимаю, что сведения должны быть зашифрованы. В следующий раз не выводите такие быстрые заключения, так как сами окажетесь на этом положении».

Итог этих переговоров подвел Веретельников: «Сведения будут шифрованной телеграммой, а по аппарату мы не можем дать таких сведений». 98

Между тем более важные переговоры проходили 29 апреля между Махно и Антоновым — Овсеенко. Прибыв в Гуляйполе, командующий, к удивлению своему, был встречен почетным караулом и дружным 'Ура!'. После краткой инспекции, в ходе которой командующий фронтом обнаружил, что «Махно и его штаб живет крайне скромно; бандитизма незаметно» 99, Антонов — Овсеенко провел с комбригом беседу, которая помогла урегулировать возникшие недоразумения. «». Преследования политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не болтунов. Никто их не гнал, сами поутикали... Конечно, у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить», — говорил Махно командующему. 100 После этих переговоров Махно принял комиссаров назад, но командующий признавал, что «наши политработники в частях Махно слабы, трусливы и не могут противостоять...вредным элементам». 101

В ходе разговора Антонов — Овсеенко пришел к выводу, что «сам Махно, главные его боевые работники и его полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство». 102

Махно даже осудил наиболее резкие положения резолюций съезда, обещал препятствовать выборности комсостава, которого (видимо, ввиду заразительности примера) так опасались в соседних частях РККА. Тем более, что командиры уже были выбраны, и менять их в это время никто не собирался. По утверждению Махно, и органы самоуправления (полковые комитеты) в повстанческой армии были «сведены на роль хозяйственных комиссий». 103 Неприятие большевиками солдатского самоуправления было вызвано тем, что они привыкли видеть в нем рычаг разложения армии, коим сами пользовались в 1917 г. К тому же самоуправление в армии

Но, пойдя на эти уступки, батька выдвинул новую, принципиально важную идею, которая могла бы изменить весь ход революции: «До решительной победы над белыми должен быть установлен революционный фронт, и он (Махно — А. Ш.) стремится не допускать междоусобиц между различными элементами этого революционного фронта». 104 Это уже не рассуждение об укреплении тактического союза (по типу «кто кого переиграет»), и не предложение простой коалиции. Открывалась возможность сосуществования в рамках одной системы власти различных революционных политических течений. Они опирались бы не на добрую волю сильного партнера, а на собственные силы, в том числе и военные, строили бы новое общество в соответствии со своими принципами и волей местного населения, решали бы вопросы общего значения путем диалога, а не приказа.

Идея революционного фронта была доложена Антоновым — Овсеенко Раковскому и Подвойскому: «Махно и Маруся Никифорова ведут агитацию за создание «единого революционного фронта» против контрреволюции». 105 Видимо, эта идея способствовала образованию во время Григорьевского мятежа коалиционного социалистического правительства Украины. Однако оно не опиралось на реальное соотношение сил и носило временный характер. И все же идея оказалась на редкость жизнеспособной, потому что давала реальное решение одной из основных проблем революционного процесса — проблемы монополизма власти. Идея единого фронта революционных сил возникнет снова в форме Народного Фронта 30-х годов (возможно, при ее разработке учитывался опыт Гражданской войны) и окажет большое воздействие на ход Испанской революции.

Махно добивался также освобождения украинских анархистов из заключения Чека 106, но решение этого вопроса было отложено. Были ликвидированы большевистские военные комендатуры на территории района. 107 Антонов — Овсеенко добился также поставки необходимых махновцам медикаментов, денежных средств и даже некоторого количества оружия. 108 1 мая бригада была выведена из подчинения дивизии Дыбенко и подчинена формирующейся 1 дивизии, которая так и не стала реальным формированием. Фактически не только 7 дивизия, но и вся 2 армия состояли из бригады Махно и нескольких полков, значительно уступавших ей по численности. 109

4–5 мая махновский район посетил член Политбюро РКП(б) Л. Каменев. Несмотря на внешние признаки единства, он требовал ликвидировать политические органы движения и прежде

всего ВРС. Стало ясно, что идея революционного фронта не пришлась ко двору. После посещения Махно Каменев публично заявил, что «все слухи о сепаратистских и антисоветских планах бригады повстанцев тов. Махно ни на чем не основаны». Но в действительности Каменев был настроен иначе. В послании Ленину он сообщал: «полагаю, что Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена». 110 Новый повод к нарастанию взаимного недоверия подал атаман Григорьев, поднявший 6 мая мятеж на правобережной Украине (накануне уполномоченный ЦК КП(б)У Я. Гамарник докладывал, что обстановка у Григорьева гораздо благополучнее, чем у Махно 111). Телеграмма Каменева к Махно по поводу выступления Григорьева выдает явное недоверие к «батько»: «Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров — Вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев N 277». 112

Попытка Каменева, воспользовавшись экстремальной ситуацией, заставить Махно беспрекословно довериться центральным властям успехом не увенчалась — батька ответил довольно двусмысленно: «Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу, и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас оставить фронт». 113

12 мая собрался «военный съезд», то есть совещание командного состава, представителей частей и политического руководства движения, дабы решить вопрос об отношении к Григорьевскому выступлению.

По воспоминаниям В. Белаша Махно говорил: «Большевистское правительство Украины опекает трудящихся. Оно наложило свою руку на все богатство страны и распоряжается им, как собственностью государства. Партийная бюрократия, этот вновь вернувшийся на нашу шею дворянский привилегированный класс — тиранит народ. Они издеваются над крестьянами, узурпируют права рабочих, свободно не дают дышать повстанчеству. Издевательство над нами и григорьевцами большевистского командования, тирания Чека против анархических и эсеровских организаций — все говорит за возврат к прошлой деспотии». 114

Несмотря на то, что Махно в своей речи провел аналогию между григорьевским и своим движениями, оснований для разрыва с красными у него было недостаточно, а визиты Антонова — Овсеенко и Каменева давали некоторые надежды на сохранение союза. Совещание решило «оружием протестовать против Григорьева немедленно» и «сохранить дружественные связи с большевиками». Это же совещание «под шумок» приняло решение развернуть бригаду в дивизию и начать (в соответствии с договоренностью Махно и Антонова — Овсеенко) переговоры с советским правительством о предоставлении автономии Мариупольскому, Бердянскому, Мелитопольскому, Александровскому, Павлоградскому и Бахмутскому уездам — то есть махновскому району и его ближайшей периферии. 115

Одновременно с этим Махно послал в район мятежа своих эмиссаров для прояснения положения. Это было воспринято как попытка наладить союз с Григорьевым, «лазутчики» были задержаны большевиками, что оттянуло окончательное определение махновцами своего отношения к Григорьеву до конца мая. Эмиссары Махно были вскоре отпущены и сумели ознакомиться с результатами григорьевских налетов — трупами жертв еврейских погромов. Одновременно к Махно попало воззвание Григорьева, которое уже не оставляло сомнений относительно политического «лица» атамана.

В своем воззвании «Кто такой Григорьев» Махно анализирует «Универсал» восставшего комдива и приходит к следующему выводу: «Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому! Разве вы не чувствуете стремление атамана Григорьева порвать живую братскую связь революции Украины с революцией России? ...Мы уверены, что здоровое чутье революционера подскажет им (бойцам, пошедшим за Григорьевым — А. Ш.), что Григорьев обманул их, и они уйдут от него вновь под знамена революции». 116

Однако Махно не был бы собой, если бы снова не встал в «третью» позицию: «Мы должны сказать, что причины, создавшие все движение Григорьева, заключаются не только в самом Григорьеве...Всякое сопротивление, протест и даже самостоятельное начинание душились чрезвычайными комиссиями...Это создало в массах озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался Григорьев в своей аванюре, требуем к ответу коммунистическую партию за Григорьевское движение». 117 Еще более категорична была анархистская пресса района: «Ни для кого не секрет, — писал Я. Алый в газете «Набат», — что вся деятельность большевистской партии направлена лишь на то, чтобы удерживать в руках своей партии власть и не давать другим течениям возможность проповедовать свои идеи. «Комиссары «своей неумелостью, своим властным духом восстановили повстанцев против большевиков и дали черносотенцам козырь в руки...Только неумелая и антиреволюционная политика большевистской власти могла дать возможность Григорьеву и его компании использовать недовольство масс и повести их на черное, предательское дело». 118

Но выступление против Григорьева уже не могло изменить позицию большевистского руководства в отношении повстанцев. Поводом к новому резкому обострению отношений стало развертывание 3-й бригады в дивизию. Парадоксальная ситуация, когда бригада составляла большую часть армии, мешала и соответствующему снабжению, и взаимодействию командования с огромной «бригадой», и управлению ее частями. Предварительная договоренность о преобразовании бригады в дивизию была достигнута еще с Антоновым — Овсеенко. 9 мая наркомвоен Украины Межлаук телеграфировал в штаб 2 армии: «против переформирования бригады Махно в дивизию препятствий не имею». 119 Вскоре после решения совещания 12 мая об изменении статуса бригады, 16 мая ВРС объявил, в соответствии с предыдущими договоренностями, о ее преобразовании в 1-ю Повстанческую дивизию. Это решение было еще относительно скромным. Мотивируя его, заместитель начальника штаба В. Белаш говорил: «наши силы достигают 50000 бойцов, и участок, нами занимаемый», длиннее участка 13 кр. армии или 8-й... По штату Красной армии мы имеем право на Армию». 23 тысячи бойцов были вооружены, остальные находились в резерве. 120

Однако над новой дивизией, которая фактически составляла собой всю 2-ю армию, сгущались тучи. За пределами «Махновии» о ней стали распространяться самые ужасные слухи, которые пришлось опровергать комиссару Петрову в послании наркомвоену Украины: «У вас носятся нелепые слухи. Якобы т. Колосов и все политкомы, находящиеся в войсковых частях т. Махно, расстреляны. Считаю нравственным долгом заявить через посредство вас в печати, что это явная провокация, исходящая, как видно, от контрреволюционеров, пользующихся случаем Григорьевской авантюры столкнуть советские круги с т. Махно и войсковыми частями». 121 Петров пытался убедить руководство, что новая дивизия и дальше будет служить советской власти: «Настроение очень хорошее, массовые наплывы добровольцев в ряды крестьянской армии...Есть дефекты, но они постепенно сглаживаются и должны постепенно отойти в область предания для будущей истории». 122 Но отношение к махновцам определялось уже не представлениями об их боеспособности. Махно все более расценивался как потенциальный противник, а противник тем лучше, чем слабее.

22 мая Троцкий по согласованию с РВС Южного фронта телеграфировал: «произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, истребовав для этого из Козлова (Председатель РВС 2-й Украинской Армии — А. Ш.) необходимое число политработников и командирского состава. Если в двухнедельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то РВС 2-й Армии должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно. Развертывать непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию под тем же командованием есть либо предательство, либо сумасшествие. Во всяком случае, подготовка новой Григорьевщины». 123

25 мая на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны Украины под председательством Х. Раковского обсуждался вопрос «Махновщина и ее ликвидация». Было решено «ликвидировать Махно» силами полка. 124 26 мая в адрес РВС 2-й армии пришла сердитая телеграмма командующего Южным фронтом Гиттиса: «Утверждение сверху самочинно создавшейся дивизии реввоенсовет признает шагом назад в намеченной линии поведения и потому считает невозможным». 125 27 мая заместитель наркома военных сил УССР В. Межлаук докладывал наркому Н. Подвойскому: «Неприятие своевременных мер обещает повторение Григорьевской авантюры, которая будет опасна ввиду огромной популярности Махно среди крестьянства и красноармейцев». 126 Теперь популярность союзных движений среди местного населения становилась источником смертельной угрозы для большевистского режима. В ходе наращивания антикрестьянской политики (особенно — после введения продразверстки на Украине в апреле) коммунисты стали воспринимать союзника как большую опасность, чем военный противник.

Узнав о намерениях командования, Махно заявил, что готов сложить с себя полномочия. Но штаб махновской дивизии постановил:

«1) настоятельно предложить т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все силы махновцев преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армии т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южному Фронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта». 127 В ответ на этот шаг РВС Южного фронта принял решение об аресте Махно.

Об этом было объявлено, когда сам Южный фронт начал разваливаться. Чтобы понять ситуацию в войсках, противостоящих Деникину, обратимся к состоянию соседней с махновцами 13-й армии. Вот что докладывал командир одного из ее полков: «Довожу до сведения, красноармейцы категорически заявляют, что мы дольше действовать не можем, потому что мы, во-первых, голодные, во-вторых босые, раздетые, нас насекомые заели, потому что мы с первого восстания нашей организации до сих пор не получили ничего.

Просим вас принять самые энергичные меры, если не будет смены, то мы самовольно бросаем указанные нам позиции и следуем в тыл». 128 Угрозами дело не заканчивалось: «Дезорганизованные части дезертировали с фронта, шайками бродили в прифронтовой полосе, грабя и убивая друг друга, устраивали охоты и облавы на комсостав и комиссаров». 129 24 мая белые совершили прорыв в центре Южного Фронта (на участке 9-й армии) и ринулись навстречу казаческому восстанию с центром в станице Вешенской. Тыл красных, разъедаемый восстаниями, дезертирством, холодной враждебностью уставших от продразверстки крестьян, не выдержал. Голодные, босые, плохо вооруженные армии начали бросать позиции.

Один из первых ударов был нанесен по стыку махновцев и 13-й Красной Армии. 19 мая, в разгар конфликтов между союзниками, кавалерия Шкуро прорвала фронт. Соседняя 9-я дивизия РККА оказать сопротивления не смогла. Махновцы противопоставили конной массе белых атаку со штыками наперевес — патронов не было. Легко отбив наскок этих «копыеносцев», Шкуро не решился все же углубляться в махновский район и развернулся во фланг и тыл 13-й армии, которая стала разваливаться.

Прекращение распрей в этот трагический момент еще могло спасти положение хотя бы на этом участке фронта. Штаб махновцев призывал к восстановлению единства: «Необходима сплоченность, единение. Только при общем усилии и сознании, при общем понимании нашей борьбы и наших общих интересов, за которые мы боремся, мы спасем революцию...Бросьте, товарищи, всякие партийные разногласия, они вас погубят». 130 31 мая ВРС объявил о созыве IV съезда советов района. Предлагалось выбрать на собраниях трудящихся по одному делегату от 3 тысяч населения, причем с равной долей представительства от рабочих и крестьян. Военные части и партии могли послать по одному представителю от подразделения (полк, дивизион, штаб, уездный комитет). ВРС постановлял: «посылаемых делегатов на съезд снабжать наказами для более точного выражения подлинной воли крестьян и рабочих». 131 Повестка дня съезда была заурядной и практически повторяла вопросы, которые рассматривали предыдущие съезды. 132

Центр расценил решение о созыве нового «несанкционированного» съезда как очередную контрреволюционную вылазку (возможно, паническая реакция на созыв съезда была связана с опасениями того, что Махно провозгласит на нем независимую республику 133). 3 июня командующий Южным фронтом В. Гиттис отдал приказ о начале ликвидации «махновщины» и об аресте Махно. 134 4 июня Реввоенсовет Украины постановил: «Означенный съезд целиком направлен против Советской власти на Украине и против организации Южного фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может быть только безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу

неспособности, преступности и предательства своих командиров». 135 Созыв съезда, конечно, не мог быть причиной выступления большевиков против Махно — ведь это был отнюдь не первый такой съезд. Просто красное командование считало, что настал подходящий момент для разгрома «махновщины».

Командование недооценивало серьезности положения. Казалось, что наступление белых — эпизод, с которым легко удастся справиться.

2 июня прибывший на Украину предреввоенсовета Л. Троцкий дает "научный" анализ махновщины: «Поскобли махновца — найдешь григорьевца. А чаще всего скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак и мелкий спекулянт откровенно торчит наружу». 136 Из «классового анализа» следует вывод: «Во имя победы с анархо-кулацким развратом пора кончить, и кончить твердо». 137 Сказано — сделано, 3 июня Троцкий издает приказ о ликвидации махновщины:

«1. Первейшей задачей 2-й Украинской армии является разрушение военной организации махновцев, причем эта задача должна быть разрешена не позже 15 июня.

2. С этой целью при содействии Реввоенсовета 2-й Украинской армии открывается немедленно широкая агитация против махновщины с целью подготовить общественное мнение армии и рабочих масс к полной ликвидации «армии «Махно». 138 Эту «первейшую задачу» Троцкий поставил тогда, когда полным ходом развивалось наступление белых. Махновцы казались опасней деникинцев.

Выполнение этой задачи возлагалось на нового командующего 2-й Украинской Армией (переименована в 14-ю армию) К. Ворошилова (А. Скачко, предлагавший нормализовать отношения с Махно, был смещен 139). Вот мнение нового командарма: «Момент ликвидации этого гнойника самый удобный. Наша беда — отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остатки банд. Полное отсутствие снаряжения, вооружения и даже продовольствия в 14-й армии лишает возможности сколачивать на месте из рабочих надежные батальоны. Состояние фронта требует экстренных мер. Нужно хоть одну регулярную дивизию для очищения всего Донбасса. 140 Одну дивизию для очищения Донбасса. В этот момент десятки отборных белых дивизий выбивали целые армии из последних донецких городов. Особо благоприятствовал выполнению плана Троцкого и Ворошилова новый натиск белых на махновские позиции. Разгромив 13-ю, 8-ю, 9-ю, 20-ю и 18-ю армии, белые обратились к «Повстанческой армии им. тов. Махно». «Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия». 141 В условиях, когда все силы махновцев были брошены на фронт, сопротивляться натиску красных частей с тыла было невозможно. Махно заявил об уходе в отставку, призвав своих бойцов сражаться под началом красного командования.

6 июня Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в которой говорилось: «Пока я чувствую себя революционером, считаю своим долгом, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в (нечестности?) к нашему общему делу Революции, предложить немедленно же прислать хорошего военного руководителя, который ознакомившись при мне на месте с делом, мог бы принять от меня командование

дивизией. Считаю, что должен сделать это (как) революционер, ответственный за всякий несчастный шаг по отношению к Революции и народу, когда его обличают в созыве съездов и подготовке какого-то выступления против Советской Республики». 142

9 июня собралось совещание штаба дивизии, ВРС и Союза анархистов. Было выдвинуто три варианта действий: уйти за Днепр на соединение с Григорьевым; сдать части красным и уйти в подполье на территорию, занятую Деникиным, продолжать сражаться с белыми, игнорируя действия большевиков: «пусть Чека расстреливает, но мы из фронта никуда не уйдем». 143

Махно остановился на втором варианте. В тот же день он отправил написанную Аршиновым 144 телеграмму Ленину, Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Ворошилову (телеграмма дошла по адресам, 10 июня с ней ознакомился Ленин 145). В ней он подвел итог своим взаимоотношениям с коммунистическим режимом. Он высказал свое мнение о причинах крушения союза махновцев и центральной советской власти:

«Я считаю неотъемлемым революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и необходимых дел своих. Поэтому запрещать такие съезды центральной властью, объявлять их незаконными (приказ N 1824) есть прямое, наглядное нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что Центральная государственная власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанцам переносит на меня...

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления... Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления, считаю уход мой с занимаемого поста.

Думаю, что после этого центральная власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противосоветском заговоре и серьезно по-революционному отнесется к повстанчеству на Украине, как живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану. «Махно покидает командование частями, потому что «Центральная власть считает повстанчество связанным со мною, и существующая вражда и неприязнь центральной власти к повстанчеству переносится главным образом на меня». Но поскольку корни конфликта лежат гораздо глубже персонального противостояния, последствия большевистской политики в отношении восставшего крестьянства проявятся и после ухода Махно. На это обращает внимание и он сам:

Политика большевиков «с фатальной неизбежностью ведет к кровавым событиям в середине трудового народа, созданию среди трудящихся особенного внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров».

Махно не вспоминает о том, что этот «особенный внутренний фронт» уже возник в 1918 г. Батя по-прежнему считает всех противников советской власти (в своем понимании этого словосочетания) врагами трудящихся.

Письмо Махно — свидетельство крушения его политической стратегии этого периода и в то же время — политической мудрости. Не в пример многим военным лидерам того времени из антибольшевистского стана, Махно понимал, что коммунистическая партия смогла мобилизовать на свою сторону радикальные массы России, и противостоять этой силе — дело почти безнадежное. Махно и сам был частью этих радикальных масс, и он стремился вплоть до победы над белым движением идти вместе с большевиками, лишь сохраняя автономию своего района, защищая его от неприемлемых для крестьян мер большевиков и проводя демократическую корректировку их курса. Но коммунистическая партия не собиралась принимать такие «правила игры», и даже перед лицом военной угрозы белых нанесла по союзнику разрушительных удар, который дорого стоил не только махновцам, но и самим большевикам.

Даже теперь Махно все еще не решался выступить против большевизма. В это время он рассчитывал поднять восстание в тылу у белых, «потому что коммунисты не сумеют». 146

Тем временем белые вторглись в район Гуляйполя. Почти безоружный заслон под командованием Веретельникова poleg на подступах к «столице» движения. Бои в районе Гуляйполя продолжались с 9 по 15 июня.

Некоторое время с небольшим отрядом Махно еще сражался бок о бок с красными частями, но узнав 15 июня о приказе арестовать его, растворился в соседних лесах. «Надо выйти из перекрестного огня, отдохнуть, пополниться и отомстить за старую обиду» 147, — говорил он своим командирам.

Войска некоторое время находились под командой начальника штаба Озерова, но, узнав о кампании против махновского движения, и он обратился с прошением об отставке: «Я непрерывно нахожусь в повстанческих войсках, здоровье мое совершенно расшаталось, передайте т. Ворошилову, чтобы он выслал мне заместителя и меня как инвалида, получившего 53 раны, уволил бы в отставку для лечения. Ибо при создавшемся положении, когда выбиваешься из сил для того, чтобы сделать полезное дело, рискуя ежеминутно быть объявленным (вне закона), что слишком скверно отзывается на здоровье и без того расстроенном». 148 Но Ворошилов уже тогда не любил упускать «врагов народа». В ночь на 16 июня несколько видных деятелей движения, в том числе и Озеров, были арестованы и вскоре расстреляны. Этот расстрел, на который, кстати, радикальные московские анархисты ответили взрывом в Леонтьевском переулке, окончательно сделал Махно врагом партии большевиков. Но арестовать его было уже нельзя.

Примечания

1 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 15.

2 Там же, Д. 351, Л. 2.

3 Экспедиция Л. Б. Каменева в 1919 г.: поездка на Украину.

4 Пролетарская революция. 1925. N 6. С. 139

5 Skirda A. Op. cit. P. 117.

6 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 27.

7 Там же, Л. 93–94.

8 Протоколы ...С. 25.

9 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 28–29.

10 Там же, Л. 29.

11 Там же.

12 Там же, Д. 153, Л. 137–138.

13 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 93.

14 Там же, Л. 28.

15 Верстюк В. Ф. ук. соч., С. 10.

16 Тепер И. ук. соч., С. 41–42.

17 Махно Н. Под ударами ...С. 607

18 Тепер И. Ук. соч. С. 32.

19 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 246.

20 Например, ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 18.

21 Там же, Л. 27.

22 Аршинов П. ук. соч., С. 231.

23 См. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. С. 54–56

24 Тепер И. ук. соч., С. 15.

25 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330, л. 4.

26 Там же.

27 Там же, л. 8

28 Там же, л. 9

29 Там же, Д. 274, л. 31.

30 Там же, л. 28.

31 «Гуляйпольский набат», N 6, 1. 03. 1919.

32 Тепер И. ук. соч. С. 16.

33 Махно Н. Под ударами... С. 130

34 «Анархический вестник». 1923, N 1, С. 28.

35 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153, л. 29.

36 Там же, Д. 153, л. 115.

37 Чего добиваются повстанцы-махновцы С. 9, 10.

38 «Путь к свободе», N2, 1919.

39 Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. С. 30-31.

40 ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, л. 133.

41 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, л. 32.

42 Там же, л. 32.

43 Там же, Д. 351, л. 87 — подсчеты по отчету начштаба В. Белаша

44 см. также Верстюк В. М. ук. соч., С. 32-33.

45 РЦХИДНИ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 2905, л. 5.

46 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, л. 18.

47 Антонов — Овсенко В. А. Записки о Гражданской войне. М-Л. 1932, Т. 3, С. 191.

48 Там же, Т. 4, С. 268.

49 Октябрьская революция, 1-е пятилетие. С. 520–521.

50 См. Гончарок М. Ук. соч. С. 53–54.

51 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 36.

52 В. Шульгин. Дни. 1920 г. М. 1990. С. 291, 292, 295–296, 298.

53 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 12, 25–26.

54 Махно Н. Под ударами ...С. 87.

55 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 32.

56 Там же, Д. 351, Л. 36.

57 Махно Н. Под ударами ...С. 35.

58 За власть Советов. Сборник документов Партархива Запорожского областного комитатет КП Украины и Запорожского государственного архива. Запорожье, 1957. С. 77.

59 РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 19, Л. 45–66.

60 Там же.

61 Аршинов П. Ук. соч. С. 37.

62 Там же, С. 40.

63 Анархический вестник. 1923. N 1. С. 25.

64 Верстюк В. Ф. ук. соч., С. 6.

65 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 24.

66 Там же, Л. 27.

67 Там же, Л. 29.

68 Там же, Д. 351, Л. 5.

69 РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 71, Л. 33.

70 «Известия». 9. 02. 1919.

71 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 10.

72 См. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1997. С. 57–63.

73 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 153, Л. 116–117.

74 Там же.

75 Там же, Д. 262, Л. 61.

76 Цит. по Skirda A Op. cit. P. 116.

77 Протоколы II съезда фронтовиков...С. 24–25.

78 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 153, Л. 116.

79 Там же, Д. 351, Л. 3–4.

80 Кубанин М. ук. соч., С. 46.

81 Антонов — Овсеенко В. А. ук. соч., Т. 4. С. 117.

82 РГВА, Ф. 199, Оп 3, Д. 144, Л. 12–19.

83 Там же, Д. 114, Л 75

84 Там же, Д. 324, Л. 32–51.

85 Антонов — Овсеенко В. А. Ук. соч., т 4. С. 331. 84. Там же, С 302

86 Там же, С. 145.

87 Там же, С. 144

88 РЦХИДНИ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 2905, Л. 61.

89 Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 80.

90 Антонов — Овсеенко В. Ук. соч. С. 306.

91 «Известия», Харьков, 25. 4. 1919.

92 Цит. по Яковлев Я. Русский анархизм в Великой русской революции. С. 23–24.

93 Цит. по Аршинов П. ук. соч., С. 98.

94 Там же, С. 99.

95 Там же, С. 102.

96 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, л. 12.

97 Там же.

98 РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 324, л. 5-73.

99 Там же, Д. 109, л. 6.

100 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153, л. 137.

101 Антонов — Овсеенко В. А. ук. соч., С. 112.

102 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153, л. 137-138.

103 Там же, л. 137.

104 Там же.

105 Антонов — Овсеенко В. А. ук. соч., С. 113.

106 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153, л. 137.

107 Там же, Д. 351, ЛИЗ.

108 Там же, Д. 262, л. 10.

109 Там же, л. 274, л. 33.

110 Нестор Иванович Махно. С. 62

111 Экспедиция Л. Б. Каменева...С. 139, 144.

112 Волковинский В. Н. ук. соч. С. 89-90.

113 Аршинов П. ук. соч. С. 107.

114 Там же, С. 109.

115 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, л. 21.

116 Там же, Д. 351, л. 31.

117 Аршинов П. ук. соч. С. 113.

118 Там же, С. 114.

119 «Набат» N 16. 26. 05. 1919.

- 120 Нестор Иванович Махно. С. 142.
- 121 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, л. 31, НИМ 145
- 122 РГВА. Ф. 199, Оп. 2. Д. 129. Л. 105.
- 123 Там же, Д. 175, Л. 9, 133.
- 124 Антонов — Овсеенко В. А. ук. соч., С. 305.
- 125 Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 100.
- 126 РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 95, Л. 278.
- 127 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 262, Л. 154.
- 128 Антонов — Овсеенко В. А. Ук. соч. С. 307.
- 129 Какурин М. Как сражалась революция. Т. 2. С. 153.
- 130 Там же, С. 238.
- 131 РГВА, Ф. 199, Оп. 2, Д. 129, Л. 168.
- 132 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 68.
- 133 Там же, Л. 69.
- 134 Mallet M. Op. cit. P. 38.
- 135 Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 106.
- 136 Там же.
- 137 Цит. по Кубанин М. Ук. соч., С. 77
- 138 Цит. по Яковлев Я. Ук. соч., С. 25.
- 139 РГВА. Ф. 199, Оп. 3, Д. 107, Л. 1.
- 140 Скачко А. ук. соч. С. 63
- 141 ЦГАСА. Ф. 199, Оп. 1, Д. 26, Л. 2.
- 142 Антонов — Овсеенко. Ук. соч., С. 331.
- 143 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351, Л. 77.

144 Там же, Л. 77.

145 Там же, Л. 81.

146 Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 7. С. 278

147 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 38.

148 Там же, Д. 351, Л. 84. РГВА, Ф. 199, Оп. 1, Д. 8, Л. 16.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 7 мая 2025 15:57:25

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 7 мая 2025 16:37:32